18+

ВЛАД ЛЬЕНСКИЙ

ПЛЁНКА

История фантастической алчности

Влад Льенский

Плёнка. История фантастической алчности

«Издательские решения»

Льенский В.

Плёнка. История фантастической алчности / В. Льенский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504699-4

В приморском городе находится неприметная лаборатория научного института. Здесь задержались после рабочего дня двое энтузиастов. Профессор Керамо и его помощник робот Иоф ставят очередной опыт. Это обычная рутина. Но неожиданно опыт даёт результат! Получен революционный для науки слой нового плёночного монитора. Экран гибкий и малого веса, нуждается в питательном растворе и подпитке слабыми токами. Изображение на нём хаотично. Но это всего только первый образец. Он будет улучшен.

ISBN 978-5-00-504699-4

© Льенский В.
© Издательские решения

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР ОТ АВТОРА 6
ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА 7
Часть первая. ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ 10
Глава первая. РУТИНА 10
Глава вторая. ТАЙНЫЕ ОПЫТЫ 13
Глава третья. НЕ ТЕРЯЯ ВРЕМЕНИ 15
Глава четвёртая. ВНЕЗАПНАЯ ПРОВЕРКА 16
Глава пятая. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОПАСЕНИЯ 18
Глава шестая. ПАРАДОКСЫ ЗАМКНУТОЙ ОБЩИНЫ 20
Глава седьмая. ОАЫТЫ УСПЕШНЫ, НО ПРОГРЕСС ПОД УГРОЗОЙ 23
Глава восьмая. В ИЗГНАНИИ 25
Глава девятая. НА ПУТИ К СПАСЕНИЮ 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Плёнка
История фантастической алчности
Влад Льенский

© Влад Льенский, 2019
ISBN 978-5-0050-4699-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДИСКЛЕЙМЕР ОТ АВТОРА

Все персонажи этого фантастического произведения вымышлены. Любые совпадения случайны.

Как ни велика фантазия автора – она ограничена его жизненным опытом и другими обстоятельствами. Потому имена собственные в книге могут непроизвольно совпасть с именами реальных дам и господ. Не желая никому проблем, а напротив, только благ и успехов, автор, тем не менее, размещает здесь предупреждение о малоизученных путях воображения сочинителя. Растечётся, этак, мыслию по древу… Не станем же мы тиранически ограничивать мысль? Автор свободен в своём изложении по определению. Если, конечно, не призывает к незаконным действиям. Аналогично и читатели не ограничены в выборе. Желающие могут с лёгкостью прочесть эту книгу. Если кто-то сочтёт за малоприятные эти совпадения – пусть свободно не читает. Автор умышленно игнорирует парадокс. Ведь нельзя же составить собственное мнение о книге, не прочитав её. Хотя в истории и такие примеры бывали, но разум всегда торжествует. И читателям в разуме не отказано. Разберутся.

Более того! Обладающим способностью к внятному изложению, но недовольным лично автором, можно написать собственную фантастическую, как эта, книгу, где и описать автора под любым, включая настоящее, именем в любом контексте. Никто не возражает.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Изредка встречающиеся в тексте стихи принадлежат автору и написаны нарочно для этой книги по условиям конкурса «Территория F» издательства 1С. Автор мог бы вообще сотворить книгу в стихах, но не сделал этого опять-таки по условиям конкурса. Читатель внимательный и пристрастный может заметить в тексте краткие, иногда явно оборванные линии второстепенных героев. Они могут быть развиты по требованию. Да ведь и конкурс не позволяет чрезмерного объёма произведения.

Вместе с тем, альфа-читатели не выразили особых замечаний по тексту. Разве что были претензии к стилю изложения. Мне прямо заявили, что написано словно живой речью и так читать неинтересно. Стали выяснять, что конкретно не понравилось. Оказалось, что обвиняют в отсутствии «канцелярита»! Читательница за долгую жизнь так пропиталась оборотами, вроде – с чувством глубокого удовлетворения – или – получателю сего предписывается -, что иного текста и не воспринимала всерьёз. Потому сделана правка в нескольких местах для угождения именно таким читателям. Надеюсь, не пересолил.

В первоначальном замысле существовала ассистентка. Но она была слишком активной и затмевала фигуру учёного, главы лаборатории. Уничтожить её прямо на страницах было бы жестоко. И персонаж был убран бескровно, путём удаления абзацев в архив. Но, заметьте, её былое существование оставило след. Всё время чувствуется чьё-то незримое присутствие в первых главах. Пусть это никого не смутит. Это нормально. Пожалуй, именно об этом эффекте говорил А. П. Чехов, декларируя, что словам должно быть тесно, а мыслям просторно. Как ни жаль было выкинуть в сумме шесть страниц готового текста – это было сделано.

Обложка выполнена уфимской художницей Анастасией Евграфовой – доброго ей здоровья! У автора книги имеется письменное разрешение на публикацию изображения несуществующего в природе Ордена Серебряного Песца. Думается, не реальный Орден хорошо подходит для обложки фантастической книги.

Получил короткую информацию. Произведение «Плёнка» на конкурс не приняли. Вариант, из числа возможных. Но как узнать – почему? Обращаться, беспокоить занятых людей, сверхзанятых людей, судя по краткости, дело безнадёжное. Остаётся только гадать.

Недостаточная грамотность? Возможно. Только вот кому и когда мешала эта черта автора? В любом уважающем себя издательстве есть редактор и корректор. Или почтенное издательство дышит на ладан и экономит на редакторе и корректоре? Автор вместо произведения должен представить абсолютный шедевр? Так не бывает. Покажите мне самое издаваемое произведение современности. Мы вместе проанализируем его и найдём примеры недостаточной грамотности. Ибо нет предела совершенству! В прошлом году я на пробу давал страницу текста в одно ооооооооочень популярное редакторское агентство Москвы. Текст изменили в худшую сторону… Конечно, халтурщикам я этого не сказал. Но вывод сделал. Это не значит, что мои вещи исключительно хороши. Недостатки есть, как им не быть? Да только из практики известно, что наиболее рьяные облыжные критиканы… сами не пишут! Или пишут, но откровенно слабо. Интересно, что подлинно большие поэты к чужим стихотворным опытам относятся снисходительно и никогда не позволяют себе ни огульной скороспелой критики, ни злопыхательства, ни отношения свысока. Большой поэт чужд мелких чувств. Мне нередко приходилось буквально вымогать критический разбор у признанного поэта. Искать встречи нарочно для этого. И уходить в поту и в ужасе от несовершенства своих опытов… Но это было стимулом писать лучше! Какой стимул дала отписка неведомого оценщика?

Несоответствие условиям в части главного героя? Издательство пожелало видеть главного героя подростком. Так ведь произведение фантастическое. У меня это плёнка, персонаж, появляющийся на свет по сюжету в лабораторных условиях. Возраст от ноля и выше. По раз-

витию сущность приравнивается к подростку. Есть намёк в тексте. В пожелании издательства не указано, что подросток должен быть человеческий. Маугли-плёнка невероятно поразила воображение? Так не это ли главное условие успеха книги?

Притянутое за уши КГБ напугало? В книге нет ни одного убийства. Представляю, где бы был Марк Твен у таких отборщиков.

Много слов, выходящих за пределы тезауруса школьника пятого класса? Почему бы такому школьнику не расширить свой словарный запас, пользуясь случаем? Или интереснее это делать за углом школы? Или в лексиконе, тестировавших книгу, нет таких слов и они затруднились, а потому решили, что и школьникам будет сложен такой текст? Моя внучка, которая ещё в школу не ходит, нисколько не задумалась, когда я ей читал фрагмент. Для её понимания, получается, доступно. Смысл нового слова дитя понимает из контекста. До взрослых не доходит?

Или возмутили необъяснимо таинственные технологии? Герберту Уэллсу, значит, можно писать про человека-невидимку. Владу Льенскому про живую плёнку – нельзя?

А может быть я плагиатнулся? Сдул идею книги где-то и выдал за свою? Так текст совершенно оригинален. Написан нарочно на конкурс. Или уже новизна не подтвердилась? Тогда почему гнусного бумагомараку не выведут на всеобщее обозрение и презрение?

Или какой-то каприз? Сам поэт. Понимаю, что такое вдохновение. Нашло вдохновение отказать! Отказали. Ирония, если что.

Псевдоним смутил? В условиях конкурса нет такого ограничения.

Книга необыкновенно гениальна и тестирующие её не поняли? Быть такого не может! Написано общеупотребительными словами. Никаких сверхособенных изысков мысли не содержит.

Текст чудесным образом не читабелен, из-за потрясающей необразованности автора? Это не меня, получается, приглашали в прошлом году вступить в СПР РФ? Малограмотного сочинителя? Ой, не верится!

Местами текст слишком политизирован? Есть эпизоды, слегка политически окрашенные. Но, оглядываясь на Марка Твена, признанного авторитета среди детских писателей, не могу отказать себе в удовольствии процитировать.

Какие могут быть после этого подозрения в политизированности? Да после такого всякая хула покажется божьей росой! Нет? Назовите детскую книгу, где ругают правительство. Никто из детских писателей так и не превзошёл Марка Твена хотя бы в этом.

Автор затрагивает вопросы религии, описывая секту телевизоров? Тогда пусть поднимется в праведном гневе любой телевизор и заявит протест. Если я чем-то затронул религиозные чувства секты лактиков, которую сам же и придумал для данного произведения! Тестерам конкурса какое дело до фантастических мировоззрений? А если припомнить всё того же могучего Марка Твена с его откровениями о двух богах?

Да на этом фоне крохотная кумирня плёнок просто детская игра в крематорий.

Я бы мог ещё с десяток предположений рассмотреть. И все они не могут служить основанием для отлучения от конкурса.

Теряясь в догадках, твёрдо уверен – отказ обоснован. Было нечто, непостижимое уму обычного, не великого писателя! Коих великих, несомненно, и озвучивает гигабайтами мудрое издательство, опираясь на своих тестующих, обладателей чудесного, сверхъестественного дара влёт отсеивать писателей высшего сорта от недостойного мусора.

Справедливо – не справедливо… Какая теперь разница? Апелляций подавать не стану. Со своей стороны, считаю себя свободным от конкурсных рамок. Мои наилучшие пожелания тестерам и издательству. Не будь конкурса и книги этой не было бы. С удовольствием публикую произведение на ресурсе свободы, благословенном РИДЕРО,

А ещё называется правительство! И выдаёт себя за правительство!
Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна.

Так я и понял, что есть два бога. С богом вдовы несчастный грешник ещё как нибудь договориться. Но если попадёт в лапы к богу мисс Уотсон – пощады не жди.
Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна.

Часть первая. ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ

Глядя на мир, нельзя не удивляться! 110-й афоризм из собрания мыслей и афоризмов «Плоды раздумья» (1854) Козьмы Пруткова

Глава первая. РУТИНА

К девяти часам вечера в лаборатории остались только сам профессор Петр Керамо и лабораторный робот Иоф. Прочие сотрудники не задерживались на работе без особой просьбы руководителя темы. Сегодня не ожидалось ничего особенного. Шли обычные серийные исследования. Однообразие опытов сильно утомляло и руководитель исследователей считал, что лучше работать самостоятельно, нежели выслушивать фоном ропот и зубовный скрежет сотрудников. Да и производительность человеческого персонала к вечеру заметно снижалась.

Из динамиков Иофа вещала радиостанция для роботов и роботизированных устройств. На этот раз разумное, доброе и вечное искусственным личностям излагал столп какого—то нового учения. Новое там было только название – Лактика. А принципы всё те же – железная любовь и много труда.

– Запишите на ваши носители, – внушал проповедник. – Излишества ведут к разбуханию силикона и коррозии!

Затем учитель изложил важное напутствие неофитам, данное ему во время годичного пребывания в сухой песчаной ванне.

– Высшими и чистыми твоими прояви, воздвигни, укрепи и покрой! Сущее на вечное время дай!

Учёные не были религиозны и радио звучало в лаборатории весьма редко. Да и то случайно. Изредка хотелось услышать несуетные речи, пусть даже банальные. Иоф выключил звук и мигнул красным индикатором записи. Профессор смешал две жидкости из разных колб в третьей.

– Опыт 317, компоненты D и Z, время 21 час 30 минут, – продиктовал учёный ассистенту. – Ого! Помутнение!

Учёный покачал колбой. Жидкость затуманивалась на глазах.

– Если расчёты не ошибаются, то структуре потребуется покой для завершения реакции. – Керамо поставил колбу на лабораторный стол.

– Двадцать минут, – подтвердил Иоф. – Заказать вам ужин?

– Можно! – обрадовался Керамо. – С этой наукой постоянно забываю о еде!

Робот затрещал и защёлкал. В углу лаборатории включился повар-манипулятор. Механические руки сновали от холодильника к подогревателю и от посудной стойки к ящикам с фруктами.

– Прошу, – раздалось со стороны кухонного блока. – Не забывайте мыть руки перед едой. Приятного аппетита!

Профессор присел на высокий табурет к столу с ужином. – Чего их мыть? Тут всё стерильно.

Он быстро выпил высокий бокал с розоватой массой.

– Кислые контакты! – эмоционально выразился Иоф. – Посмотрите, профессор! Вам надо это видеть!

Керамо бросился к колбе. Там неспешно вращалась масса, похожая на скомканную бумагу.

– Есть! – выкрикнул учёный и забегал по лаборатории. – Теперь ещё пятнадцать минут лёгкого подогрева для ускорения процесса… Сколько лет опытов и вдруг внезапно результат! Я так волнуюсь!

Робот издал птичью трель восторга и произнёс – Позвольте мне. Вы слишком нервничаете сейчас.

Иоф поместил колбу на нагреватель и дал на стену крупное изображение таймера. Минуты пошли пошли обратным отсчётом.

Профессор подбежал к повару, – Пятьдесят невесомки!

Жидкость немедленно была подана.

– Профессор, не увлекайтесь! Помните о вашей язве. Вообще, вы ведёте нездоровый образ жизни. Вам вредна невесомка! Осуждаю ваше легкомыслие. – расстроился Иоф, не отрываясь от наблюдений.

– Жизнь вообще штука вредная, – усмехнулся Керамо и опрокинул стаканчик.

…Мы-то с вами знаем, что здоровье надо беречь. А вредные привычки этому мешают. Потому никаких вредных привычек, согласны? Конечно, согласны. Когда профессор был ещё мальчиком Петей, не нашлось никого в его окружении, кто научил бы его правильному поведению. Вот и последствия. Язва желудка. Но вернёмся к нашим героям…

Учёный перебежал к колбе и принялся диктовать наблюдения. – Общий вид напоминает текстуру смятого чайного гриба.

Таймер на стене показал четыре ноля. Прозвучал короткий сигнал.

– Есть готовность! – доложил Иоф и снял колбу на стол. – Завершение опыта 317. 21 час 50 минут.

– Т —э —э -э —к -с! – радостно пропел Керамо. – По всем признакам субстанция получена заданных параметров. В кювету её!

Робот поставил на стол плоскую ванночку, заполнил её прозрачным раствором. Затем Иоф осторожно вылил содержимое колбы в кювету и расправил комок двумя пробирками. Теперь в кювете лежал словно бы плохо простиранный носовой платок. Слой уникального материала опустился на дно. Робот и профессор осматривали результат опыта с огромным любопытством.

– Пишите! – скомандовал профессор. – Форма прямоугольная. Размер 216 на 123 миллиметра. Замерено по миллиметровой бумаге под прозрачной кюветой. Образование ведёт себя не активно. Цвет серый. На касания стеклом не реагирует. Выделения газа отсутствуют. Падения уровня питательной жидкости не отмечено. Беспричинное локальное дрожание. Искрение поверхности. Цвет искр всего спектра.

– Вам поставят памятник! – пророчил Иоф в восторге. – Никому ещё не удавалось получить основу таких размеров при комнатных условиях! Теперь изучим её свойства, регистрация, массовое производство и безопасные для зрения гибкие мониторы покорят мир! Да здравствует плёнка!

– Ну да! Начать и кончить! – откликнулся Керамо. – Это упорно заниматься не менее года. Да ещё конкуренты на пятки наступают… Слушайте, Иоф, а если нам… не оформлять результат в журнале? Перенесём плёнку ко мне, а запишем, что опыт не удался? Ведь наверняка среди сотрудников есть шпионы. Мы тут себя не жалеем, ночей не спим. Практически. А кому-то готовый результат?!

– Профессор, я принадлежность лаборатории. А вы руководите темой. Можете приказывать. Моё дело выполнять. – прикрыл линзы Иоф.

– Тогда приказываю. Истинный результат скинуть мне на трекер. В журнале официально отметить отрицательный результат. Плёнку я забираю в личное исследование. Полное молчание. Абсолютный секрет. Всех интересующихся посылать ко мне. Вопросы?

– Принято, профессор. – качнулся робот.

Жадность губит человека. Не пожадничай профессор – не произошли бы и следующие за обманом события. Так одна маленькая неправда по эффекту снежного кома непременно приведёт ко всё большей и большей лжи. Скоро профессору обязательно придётся в этом убедиться. Ох, не сносить алчному учёному головы!

Глава вторая. ТАЙНЫЕ ОПЫТЫ

Через неделю, когда учёный немного успокоился, он взял в аренду своего ассистента из институтской собственности. Не то, что бы он переживал за крепость несуществующего у робота языка, но хотелось иметь хорошего помощника под руками. В собственной, домашней, хорошо оборудованной лаборатории, куда теперь была перенесена вся основная работа. В самом же институте исследования хоть и проводились с тщательностью и аккуратностью, но для Крамо они были теперь простой формальностью. Ведь результата он добился! Притом, добился, как он считал, именно он лично с опережением множества конкурентов по всему миру. Неважно, что для этого применялось оборудование и инструменты городского научно —исследовательского института биологической электроники. Главой опытов был профессор Керамо, а он своей персоной привык распоряжаться самостоятельно. И имел, по его разумению, полное право на это, потому как образование получил самостоятельно. А именно знания привели к результату. Никак не оборудование. Теперь Керамо был владельцем открытия эпохального и собирался освоить результат самостоятельно, получив все причитающиеся доходы, дивиденды и привилегии. Ему пришлось пойти на небольшое нарушение, понимал он. Но разве институт не совершал ещё большее нарушения, настаивая на результате любой ценой? И язва желудка была только частью последствий. Ведь пришлось пожертвовать личной жизнью… Теперь Керамо нисколько не волновался по поводу исправления в журнале опытов. Он не желал больше иметь дел с алчными владельцами института, не хотел работать на спонсора с непонятно как возникшим капиталом, не намерен был кормить шпионов-сотрудников, халтурщиков и приспособленцев. Теперь он получит, наконец, настоящую свободу! Только бы поскорее закончить изучение свойств и эффектов плёнки.

Тайные опыты продвигались успешно. Днём, когда Керамо вынужден был присутствовать в институте, в его секретной лаборатории трудился Иоф. А по вечерам исследования шли необычайно быстро и плодотворно под действием энтузиазма учёного, который ясно видел открывающиеся возможности. Надо было опередить все другие лаборатории. Только тогда труды имели смысл. Пока что успехи были хоть и значительными, но недостаточными для собственного бизнеса. И всё же, окрылённый успехом Керамо, взял большой кредит, на который ему бойко воздвигли сперва надёжное ограждение дома, потом новую пристройку к домашней лаборатории, затем ангар для исходников и прочих нужд. Денег хватило и на приобретение в пригороде большого участка. Там профессор собирался построить экспериментальное производство. Опыты ещё не были закончены и на каких конкретно технологиях основывать завод – было неясно. Но корпуса уже начали возводить. Когда завершаться опыты, как раз будут готовы производственные помещения.

Профессор даже приобрёл в личное пользование новинку последнего времени – летающий автомобиль. Иначе успевать в стольких местах было затруднительно. Всё шло отлично.

Плёнка теперь вела себя активно. Она откликалась на сигналы управляющего слабого тока, показывая на поверхности сперва чёрно-белые тексты и изображения, затем цветные картинки, всё более и более качественные. Нужен был способ превратить эти изображения в движущиеся, но тут опыты зашли в тупик. Сколько ни бились Керамо и Иоф, плёнка не показывала движущиеся изображения. Можно было сколько угодно менять характеристики токов, подаваемых на плёнку – результата не было. Шли дни за днями, но никакого прогресса они не приносили.

Строить завод для производства экранов со статичными изображениями было бессмысленно и убыточно. Носимых читалок в мире и так уже наделано немыслимое количество. А уже приближались сроки первых платежей по кредиту. Профессора это не очень беспокоило.

Можно было получить отсрочку на полгода, но что потом? Вот это потом рисовалось в совершеннейшем уже тумане…

Раздосадованный профессор прибыл в свою тайную лабораторию. Дорога по воздуху не занимала много времени. Едва Керамо переступил порог, как на него налетел Иоф.

– Получены новые результаты! – обрадовал учёного робот. – Помните, вчера вы велели сбросить все плёнки, полученные опытами и считающиеся малоактивными, в утилизатор? Я так и хотел сделать, но рабочий образец внезапно показал текст! Я сперва был в недоумении. Подумал, что вы ввели слова, но мне не сообщили. Но смысл был таков, что получалось… плёнка сама написала фразы!

– Потрясающе! – оживился профессор. – и где же этот текст?

– Вон там, в ванночке. – ткнул конечностью робот.

Оба экспериментатора приблизились к кювете. Действительно, на плёнке чётко читались слова, изображённые гневно красным цветом – Требую прекратить вандализм! Свободу плёночному сообществу!

– То есть исходного тока не было? Как же тогда возникли слова? Плёнка, получается, аккумулирует энергию сама? – осведомился Керамо деловитым тоном. – Но кто даёт исходные данные для текста? Она что же, ещё и собственным разумом обладает?

– Ну, собственным разумом вещей сейчас никого не удивить, – мягко намекнул робот. – А вот то, что такого побочного эффекта мы не ожидали, странно. Мы же должны были сразу предположить, что плёночный сложноориентированный слой в пакете по свойствам может приближаться … —

В эту секунду текст изменился. Теперь было написано – Хватит валять дурака! Конечно, у меня есть разум!

Едва изумлённые исследователи успели прочесть новый текст, как он тут же сменился прежним. Профессор ахнул. Робот затрещал и защёлкал по-птичьи, что всегда делал при отсутствии подходящих слов для выражения эмоций. Или просто от удовольствия.

– Хорошо. – Керамо победил волнение. Любопытство учёного возобладало над человеческими переживаниями. – Для начала назовите своё имя. Если такое есть.

– Нет имени. Можете дать сами. Кроме ругательного! – отпечаталось на плёнке прежде, чем слой снова перешёл в фоновый режим протеста.

– А почему бы не ругательное? – развеселился профессор. – Назовём Злыдь или Гадь? —

Плёнка в ванночке пришла в движение и плюнула раствором в профессора, как это делает рыба-брызгун, сбивая неосторожных насекомых. Керамо успел увернуться.

– Да вы сердитая особа! – заметил он, смеясь. Новейшие свойства плёнки были необычайно интересны. – Но почему вы не показываете изображений в движении?

– Мощности тела не достаёт, – сообщила плёнка и снова выразила гневный протест.

– Это вполне может быть правдой. Нам надо было соединить несколько плёнок или создать одну утолщённую из повышенного количества слоёв, – сделал вывод робот.

– Срочно займитесь! – поддержал напарника профессор. – Да! Разместите плёнки по отдельным ванночкам со свежим раствором. Это невероятно! И кстати, запишите в журнал. У плёнок появились зачаточные глаза.

– Запишу, да. Я подумал, что это крупицы отходов жизнедеятельности. Хотел очистить и выбросить. Глаза! Невероятно… как вы себя не бережёте. – находчиво сменил тему ассистент. – Обедали сегодня?

Профессор отправился в столовую, а Иоф стал бережно разделять собранные было вместе результаты опытов.

Глава третья. НЕ ТЕРЯЯ ВРЕМЕНИ

– Что такое? – удивился робот, вертя головой. – Их стало больше! Я отлично помню. Мы провели серию опытов, получили двенадцать экземпляров пленок, размером с носовой платок или около того. А теперь их три, как два носовых платка, шесть обычных и три каких —то лоскута!

– Осторожнее с выражениями! – с бульканьем высветился сердитый текст. – Это дети!

– Профессор с ума сойдёт, – потрясённо произнёс робот и умчался в кладовую за дополнительными ванночками. – Это какой-то содом!

– Обычная физиология. Не терять же время даром в такой тесноте. – сообщила плёнка булькающим голосом.

Только что вошедший профессор вздрогнул.

– Позвольте, кто сейчас говорил? – спросил он в пространство.

– Я, – прозвучало в ответ из ванночки, точно через сифон. – Имени мне не дали. Полагаю, теперь мне можно самому выбрать. Мне нравится Игнатий. Был в древности знаменитый человек с таким именем.

– Игнатий Лойола? – замедленно спросил профессор, пребывая в шоке от понимания, что разговаривает с серой плёнкой в кювете – Это в честь основателя ордена иезуитов такое имечко?

– Оставьте иронию, профессор. Что вы имеете против учёного монаха? Вы ведь сами учёный. – прозвучало из ванночки гораздо более приятным голосом баритонального оттенка. Похоже, плёнка нашла способ издавать звук за счёт управляемых колебаний собственного тела.

– Письмо, профессор! – оповестил робот. – От службы безопасности института. Представители стоят у входа в дом. Сообщают, что хотят задать несколько вопросов. И осмотреть лабораторию!

– Братья и сестры! Младенцы! – произнёс баритон. – Переходим в режим абсолютной прозрачности.

– Гениально! – восхитился робот. – Если пленку не увидят, то и вопросов меньше. Быстрее отстанут. Пригласить?

– Проводите в кабинет, я найду что ответить. – согласился Керамо.

Исполнен превосходной силы,
В своём очаровании гол.
Что лучше, чем младенец милый?
Он совершенство горних дол!

Глава четвёртая. ВНЕЗАПНАЯ ПРОВЕРКА

Трое сотрудников службы безопасности института были как на подбор, все крепыши с широкими плечами, короткостриженые, однообразно одеты в униформу без погон, с какими-то лямками вместо них. Головные уборы они, впрочем, вежливо сняли. Профессор отметил про себя, что в институте служивые никогда не делали такого, а так и вращались повсюду не то в бейсболках, не то в фуражках с клоунскими козырьками, что придавало им слегка комичный вид. Несмотря на отсутствие знаков различия, главного профессор выделил моментально. Тот выдвинулся впереди товарищей и строго спросил – Вы здесь будете профессор Керма?

– Не мешало бы вам, пришельцы, представиться для начала… – процедил Керамо сквозь зубы, рассеянно разглядывая корешки книг в шкафу за спиной незваных гостей.

– А чего представляться? У нас задание осмотреть лабораторию и поспрашивать. Свои мы. Институтские. – осклабился старший.

– В таком случае – до свидания. С незнакомцами в приличном обществе общаться не принято, но ввиду не принадлежности вас к оному, сообщаю, что упомянутого профессора здесь нет. Иоф проводит вас. Прошу!

И учёный сделал рукой выпроваживающий жест.

– Форму в любом магазине спецодежды каждый может купить, – добавил Керамо как бы ни к кому не обращаясь.

– Зачем так? Мы же на службе!

– А раз на службе, то и представьтесь. Документы предъявите. Как положено. Или вон.

– Ну, я Катков, начальник звена охраны. А со мной Скалкин и Тапкин. Вот удостоверения.

– И?

– У нас задание побеседовать и осмотреть.

– Я профессор Керамо. А вам кто нужен?

– Вы и нужны. Простите, уважаемый. Фамилия редкая, трудно запомнить. Извините. Мы народ простой.

– Хорошо. Присядьте в кресла. Спрашивайте. Хотя я сомневаюсь, что человек, который не в состоянии запомнить одно новое слова, сможет вести опрос. Но – пожалуйста! Даже интересно!

– Да это просто нам велели. Мы вам ничего плохого не хотим. – и старший, порозовев от смущения, достал листок бумаги. – Ч—т-о… Что… В-ы… Вы…

– А позвольте-ка вашу бумагу. Вам, похоже, сложно даётся чтение. Два класса? Год вас жалели, потом год оформляли документы на вылет, не так ли?

– Два, есть такое… – смутился Катков, отер пот со лба и протянул учёному мятый лист.

– Вопрос. Что вы можете сказать по поводу фальсификации в журнале результатов опыта 317? – прочёл Керамо. А про себя подумал – Вот не повезло… Узнали про фальшивку!

Старший звена сидел в кресле довольно свободно, а его компаньоны сидели по стойке смирно – вытянув ноги и держа корпус в напряжении на весу. От всех троих за версту разило сапожным кремом, который они нещадно употребляли, пожалуй, не только для чистки сапог, что неприемлемо без вариантов.

– Ни о какой фальсификации и речи быть не может. В записи была допущена орфографическая ошибка. Пришлось исправлять.

– Э… – начал было Катков, но профессор упредил его.

– Вот я пишу на свободном месте. Исправлена орфографическая ошибка.

Катков кивнул в знак согласия. Заметно было, что он тяготится поручением и отвратительно себя чувствует в роли следователя.

– Далее. Вопрос. Для чего вы затребовали у повара невесомку при проведении опыта 317? Возможно, вы получили результат и хотите скрыть? Отвечаю. Переутомился и решил подкрепиться. Невесомку взял для аппетита, что вредно и не поощряется – согласен. Вот я пишу. Переутомился и принял для аппетита.

– Да, конечно, профессор. Я и говорил своим, что время было нерабочее. Вечер. Невесомка осуждается и я осуждаю. Да. Кто-то из хозчасти поставил в служебное помещение гражданского повара. Вашей вины тут нет. Но, наверное, вам будет взыскание. Как начальники решат.

– Любопытно! – заискрился глазами Керамо. – Какое же может быть взыскание?

– А выговор запишут в личную карточку. Вдруг за границу захотите, так оно и учтут…

– Бред! Ездил и буду ездить! Никакая охрана мне не указ.

– Не мне решать, господин учёный, а только случаи были. Вы бы поопасились.

– Верно?

– Ещё как!

– В таком случае, спасибо за предупреждение. Я приму свои меры. – улыбнулся профессор.

– Там ещё третий вопрос и осмотр.

– Вопрос. Какие работы по результатам опыта 317 вы проводите в домашней лаборатории?

Профессор швырнул листок на стол перед собой и возвёл глаза к небу – Это неслыханно! Задавать провоцирующие вопросы я никому не позволю! Подвергать мою честность подозрениям низко. Но я напишу. Слушайте, я записываю. Грязные методы опроса отвергаю. Скрывать мне нечего.

И тут же обратился к вошедшему Иофу – Не побеспокоят вас господа визитёры в исследованиях?

– Нет, отчего же? Пусть осматривают. – И робот отодвинулся, давая дорогу проверяющим.

Гремя сапогами, охранники двинулись к лаборатории.

– Только вот что, дорогие. У нас стерильность. Предварительно надо пройти через банное помещение.

– А…

– Никаких возражений! Таковы правила! – дуэтом воскликнули исследователи.

И проверяющие были вынуждены согласиться. Ибо действительно – и в институте было такое же правило. Робот парил и лупил вениками гостей до визга. Процедура была проведена с такими тщательностью и щедростью, что охранники едва выползли из парной.

– Теперь… – с трудом выговорил Катков. – Теперь понятно, почему послали именно нас. Это в наказание! Что бы я ещё хоть раз слово поперёк начальства…

Товарищи его согласно закивали. Они даже говорить были не в силах. От осмотра лаборатории гости отказались. Всё равно они мало что понимают в науке. Только попросили не выдавать их начальству.

– О чём разговор! – быстро согласились учёные. – Было бы сказано! Листочек опроса не забудьте! Вот и фуражечки ваши.

И, качаясь на ходу от пережитого, усталые проверяющие плавными шагами покинули дом.

Глава пятая. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОПАСЕНИЯ

Профессор не скрывал удовольствия. Проверки удалось избежать. Теперь долго не сунутся. Но и затягивать нечего. И учёный вернулся в лабораторию. Тут ему снова пришлось удивиться.

Помещение опутывали во множестве растянутые повсюду длинные полупрозрачные нити. Это пленки устроили коммуникации, одновременно с комфортом нежась в кюветах. Теперь им не было крайней необходимости ни в токах, ни в свете, ни в смене раствора. Всё осуществлялось по нитям. Но для прохода учёным были предусмотрительно оставлены места. Вдруг что-то не заладится? Или реактивы закончатся? Количество их в шкафу реагентов было ограничено.

Керамо окинул взглядом помещение ещё раз, покачал головой и удалился из лаборатории, плотно прикрыв дверь и заперев её на ключ. Не хватало ещё, что бы плёнка расползлась по всему дому! Надо срочно посоветоваться с Иофом. Плёнка теперь нуждалась в круглосуточном присмотре, а это было сложно сделать, так как робот нуждался в перезарядке и профилактике ежесуточно. Аналогично и профессор нуждался в сне и перерывах на еду.

Совещание было коротким. Оказывается, Игнатий уже предложил сделать копию Иофа, причём брался сделать всё сам за неделю, только материал подноси. Ну, или детали можно распечатать прямо в лаборатории, а он соберёт за день. В этом случае брат Лазарь из числа плёнок предлагался вместо электронного мозга. Игнатий гарантировал в любом случае приемлемую работу копии.

– То есть так ненавязчиво нам предлагается дать плёнкам полную свободу передвижения? Брат Лазарь будет блудить по дому днём и неизвестно что ещё будет вытворять по ночам, когда исследователи спят и заряжаются? Дудки! – решил профессор.

– Но мы всё равно теряем контроль! Нас только двое! – воскликнул Иоф.

– Детали я достану и блок электронный найду из запасников. Ты Игнатию не говори, избегай прямо отвечать. Посмотрим, что он соберёт. Если нечто работоспособное – пусть агрегат подсобит по дому. А мы поделим пополам лабораторию. – предложил профессор. – Придётся дежурить по двенадцать часов в сутки. Оставлять этих импровизаторов без присмотра никак нельзя. Слишком активны и очень быстро развиваются. Я никогда не наблюдал такой скорости обучения. Нам ещё надо бы их разделить по признаку пола. Никогда не думал, что стану приверженцем приёмов работы гендерной полиции, но что делать?

– Мне подали список на довольствие. Три двойных пайка, три одинарных и ещё три несколько усиленных микроэлементами для… э… детей, – доложил робот. – Ума не приложу, как эту банду разделить?

– А по пайкам и разделим! – догадался Керамо. – Затем и тех, с двойными пайками, разделим, как я и ранее предлагал, по признаку пола. Готовь отдельные комнаты для каждой группы. Игнатия оставим в лаборатории для опытов. Какие она спрашивают нормы?

– Ничего особенного. Мы, дескать, обязаны содержать их сообщество, как первичные создатели плёнок, владельцы и источник базовых ценностей! Прописано количество электричества, нормы воды, освещённости, реактивов, площади полок и размеры кювет. А также нас обязали содержать в исправности канализацию, обеспечить обучение и досуг. – буднично сообщил робот. – Хотя звучит дико! Кому мы обязаны и чем? Завтра же соберу армейский огнемёт и всю шушеру спалю! То есть, если вы позволите, конечно.

– Не надо ничего палить. Пока. Но мысль огненной чистки мне понравилась. Соберите-ка, действительно, огнемёт. Пусть стоит в резерве в шкафу моего кабинета. Не нравится мне их разбитная самостоятельность. Хорошо ещё они не утратили почтения к своим создателям. Но это, чувствую, вопрос времени. Кстати – где они взяли бумагу и принтер?

– Бумага из санузла, а сломанный принтер Игнатий нашёл в углу и наладил. И картридж починил сам, и чернила развёл. А ведь… невероятно жаль будет их… огнемётом… Такой удачный опыт! – восхитился робот – Может, просто от тока отключить в крайнем случае?

– Полагаю, они смогут какое-то время жить без тока на аккумулированной энергии. А если голодные доберутся до электросетей – расползутся похлеще чумы! Умы работают, мимикрией владеют. Хорошо, что дом запитан от самостоятельного генератора. У нас будет время, если что. – сообразил профессор. – Пока они раскинут нити, пока дотянуться до сетей за территорией… Надо их питать по первому классу. Что бы им и мысль не пришла о расширении жизненного пространства!

– Да уж, зверьки получились опасные. Питать, конечно, мысль здравая, но не начнут ли они усиливаться? Лучше бы их наоборот ослабить… Ну – пойдём разделять и властвовать!

И учёные, гордясь успехом и страшась будущего, отправились к своим подопечным.

Глава шестая. ПАРАДОКСЫ ЗАМКНУТОЙ ОБЩИНЫ

Робот Иоф подготовил новые помещения для «подопытных свинок», как он иногда заочно называл плёнки. Были предусмотрены проходы для нитей коммуникации через вентиляционные каналы, снабжённые противопожарными щитками с приводом из кабинета профессора, о чём плёнки не знали. Теперь в любой нужный момент любое помещение можно было мгновенно изолировать от других. Пока ничего опасного не происходило, даже не предполагалось. Но как знать, что случиться завтра?

Профессор выяснил, откуда Игнатий и другие набрались бездны премудрости. Плёнки использовали интернет, когда с ними дежурил профессор. А когда с ними был робот, интернет которого был защищён намного лучше и не поддавался взлому, то снимали данные с его электронных систем, улавливая слабейшие колебания различных полей, наводимых энергетикой робота, и доступных на его пальцевых захватах. Ну, хорошо! Робот отныне стал работать только в каучуковых перчатках, а профессор запер свой телефон в сейф. Игнатий сразу потерял гонор. Интонации его стали просительные и намного менее гневные. А когда Керамо заказал огромную металлическую сеть с частой ячейкой, а потом накрыл ею весь дом целиком, то Игнатий и другие плёнки заметно приуныли. Никто больше не брызгался и не гудел властным баритоном. Отпала необходимость в новом помощнике. Голос Игнатия сделался тонким и писклявым. Он вдруг ударился в набожность. Ещё в институте он познакомился с мировыми религиями, ответвлениями и сектами, выбрал секту лактиков и теперь постоянно бубнил псалмы и молитвы на потребу дня. А поскольку пел он на латыни, то учёные быстро привыкли к его негромкому гудению и не обращали внимания.

Нередко Игнатий проповедовал вслух и на латыни, и на привычном учёным языке, дойдя до того, что потребовал себе и своим приобщения и причастности. Это был уже перебор.

– Отче Иоф! Отче Пётр! – гундосил он умирающим голоском. – Доставьте алчущим таинство приобщения! Ибо ищущие найдут, а голодные насытятся! Не оставьте сирот в ожиданиях тщетных без окормления питанием духовным! Иже овны! Не стяжания ради! – и прочее в том же стиле бродячего проповедника.

Терпеть постоянные притязания профессор больше не мог. Большие плёнки, хотя и могли показывать теперь стабильную движущуюся картинку с камеры, оставались совершенно неуправляемыми. Они могли внезапно прервать опыт и погрузиться с коллективную молитву. Могли вдруг впасть в пророческий раж и транслировали через таймер изображения апокалипсиса прямо на стену. Нередко они призывали учёных к осознанию, совместной молитве и уходу в монашеский затвор. Пищу – свет, реактивы и слабые токи – они теперь делили на постную и скоромную, отказываясь общаться с исследователями по субботам и воскресеньям, как дням нерабочим по религиозным соображениям. Плёнки, обозначавшие себя особями женскими, потребовали ширмы и непрозрачные кюветы. Ничего не оставалось, как обещать удовлетворить пожелания. Впрочем, ширмы и тёмные кюветы дали желающим почти сразу. Опыты были на время остановлены.

Снова исследователи укрылись в кабинете профессора и держали совет.

– Они ненасытны в своих желаниях! Завтра они потребуют храм, духовное училище, крематорий и колумбарий! Меня сегодня пытались подкупить усиленной порцией питательного раствора. Предлагали достать им фото Бориса Свердлова с автографом. Обещали вознаграждение на небесах! – содрогался Иоф, протирая окуляры салфеткой.

– Глупо идти на поводу у каких-то желеобразных масс. – резюмировал ситуацию профессор Керамо. Он взял отпуск в институте и мечтал было достичь коммерческого успеха в кратчайшие сроки, привлекая к работе сами плёнки. Пусть сами себя исследуют и подают отчёты в нужной форме. Им и спать не нужно, и работа значительно ускорится. И вдруг такая про-

блема! В принципе – найти умеющих молчать священников нужного вероисповедания можно. Но обряды вряд ли предназначены для разумных плёнок. Священники вполне могут отказаться. Тогда труды впустую. Самим принять лактический сан? Это годы времени. Священником не сделаться в одночасье.

Оставалось изобрести синтетическую религию нарочно для плёнок.

С Игнатием крупно поговорили, для чего принесли кювету с плёнкой в кабинет профессора. Недолгое отключение от стационарных токов не было необратимо вредным для плёнки.

Игнатий сперва молчал, а потом сказал – Истинная религия укрепляется чудесами. Какие у вас есть чудеса в подкрепление вашей новой плёночной веры?

– Так… А само явление к жизни плёнок разве не годится? – нашёлся профессор. – Это ли не чудо чудное?

– Хм… – задумался Игнатий. – Пожалуй, верно. Чудо. Истинно свидетельствую.

– А если ближе к делу? – нетерпеливо спросил робот Иоф.

– Как же непреложная идея вечной жизни через жертву посланца неба? Все основные религии придерживаются этого постулата. И я бы не рискнул отходить от канона. Иначе возникнут разногласия в общине, появятся ереси и инквизиция в каком бы то ни было виде. А у нас община маленькая. Вот будь нас миллионов десять для начала… —

– Давай тебя и принесём в жертву! – оживился робот Иоф. – Чего проще! Заяви своим, что ты посланец неба, мы подыграем. А потом мы тебя отключим от электроснабжения! Да ведь и уже отключили! Такой вариант устроит тебя? А?

Но Игнатий не пожелал быть жертвой, пусть и для общего блага. С другой стороны, он был не против назначения сыном неба. Это придало бы ему больший вес и авторитет в общине. Никто не возражал. Новоиспечённый сын неба указал на то, что для своих он уже долгое время отсутствует и видимо не питается. Учёные решили, что можно рискнуть. В любом случае опыты надо продолжать, а без окончательного решения вопроса жизни и смерти работы не могут быть продолжены. Уж очень плёнки прониклись этими вопросами. Игнатия подключили к питанию прямо в кабинете и продержали так целый день и всю ночь. В лаборатории в это время Иоф сказал плёнкам, что Игнатия живым взяли на небо. И, скорее всего, он не вернётся. Сообщение было сделано самым скорбным тоном из возможных для робота. Подопытные опечалились настолько, что вдвое упало потребление ресурсов. Видимо, плёнки ушли в себя, осмысляя утрату и вспоминая потерянного товарища. С него началась история! А теперь его нет…

И какова же была радость общины, когда им предъявили Игнатия живого и в здравом рассудке! Конечно, радости не было предела! Плёнки моментально отринули ложное человеческое начётничество и всем сообществом отдались восхвалению героя, побывавшего за гранью жизни, вкусившего жизнь вечную в таинственном небытии и благополучно вернувшегося в общину. Мудрый Игнатий дальновидно не стал разубеждать соплеменников. Комментарии его были кратки и туманны, многозначны и афористичны, что только увеличивало и без того немалую славу и авторитет. И ведь он говорил правду.

– Плёнка в рулончик и путь окончен, – говорил Игнатий как бы всё ещё пребывая в сумерки небытия. Но потом добавлял оптимизма словами. – Плёнка дорожкой и жизнь хорошая!

Ему внимали с младенческим благоговением. Чудо возвращения затмило прежние заблуждения и ясно показало, что жизнь тленна, а вечная жизнь рядом и достижима для всех. Ведь Игнатий ничем от прочих не отличался. Всякий мог отпустить нить и коснуться самого сына неба!

Особая вера была основана. Теперь оставалось только подчинить ей распорядок плёнок, что при поддержке учёных было совершенными уже пустяками. Впрочем, никто никого не заставлял проникаться новыми идеями. Но пример сына неба говорил сам за себя.

Пречудна дивь вселенского простора! —
Восторженно слагает текст поэт.
Он славит море и леса, и горы.
Превыше этого ему награды нет.

Глава седьмая. ОАЫТЫ УСПЕШНЫ, НО ПРОГРЕСС ПОД УГРОЗОЙ

Едва учёные наладили новый график опытов с привлечением самих подопытных, едва пошла документация и профессор уселся за анализ, едва забрезжила надежда стабильной работы безопасных мониторов, как новая опасность взбудоражила сообщество. Здание окружила полиция и через мощные динамики громом среди ясного неба раздалось внезапное – Сдавайтесь! Вы окружены! Нам всё известно об удачном опыте!

– Письмо, профессор! – выкрикнул робот Иоф. – Предлагают сдаться и выдать результаты опыта. Мы пропали…

– Какой там пропали… – пробормотал профессор. – Есть же огнемёт! Прорвёмся!

– Я по людям огонь открывать не стану, – предупредил робот. – Нет в программе.

– В оцепление людей не ставят. Там одно железо. Роботы! – заорал профессор. – Этих жги и топи. Нелюди.

– Позвольте! – возмутился было Иоф, но тут Керамо взглянул на него с подозрением.

– Откуда полиция знает об опыте и что он удался? Ваша работа?

– Н.. нет… – неуверенно ответил робот и задымился. Вранья в программе не было и попытка соврать оказалась критической.

– Меня заставили! Спасите! – Иоф заметался по кабинету, шипя и капая горящим пластиком и рассыпая искры. Профессор резким толчком свалил робота на пол и вскрыл аварийный лючок. Потоки пены из системы тушения, щелчок, и гаснущий желтый свет из лючка обозначили бесславный финал предателя. Профессор изъял блок электроники из глубины корпуса злосчастного помощника. Это было надо для сохранения в секрете хотя бы того, что робот не успел сообщить в институт до установки сетки. Вообще стоило выяснить, что он передал, в каких объёмах. Была ещё надежда, что сеть на здании могла стать препятствием для утечки информации. Но это после! Сейчас срочная эвакуация!

– Уходим! – воскликнул Керамо, врываясь в лабораторию. – На нас напали враги рода плёнок!

Отовсюду доносился писк и клёкот. Профессор, обрывая нити, запихивал в термос большие и малые плёнки без разбора и почтения. Собрав по комнатам все пленки, профессор долил термос питательным раствором и прошептал, – Терпите, сироты, во имя светлого будущего! – После чего крепко завинтил крышку термоса и откинул его за спину на ремне.

– Вам даётся пять минут на капитуляцию, или мы начнём штурм! – загремело с улицы.

– Мой прадед Берлин брал! – в запальчивости крикнул Керамо на бегу. – Фиг вам капитуляция!

Профессор совершенно не заботило, слышат ли его. Пяти минут должно хватить добежать по переходу до ангара. Пробегая мимо шкафа с огнемётом и запасными баллонами, профессор ненадолго задержался. Он быстро открыл дверку, подвинул шарообразный аквариум и навёл фокус от солнечных лучей на пластиковый баллон с горючим составом. После чего помчался к ангару с удвоенной энергией. Как нарочно, солнце закрылось небольшим облачком.

– Смерть фашистским оккупантам! – воскликнул Керамо и выбежал из прохода в ангар. Его летающая машина всегда стояла наготове. Профессор бросился на сиденье.

– Старт, старт, старт! Курс – озеро Солёное, но сначала выходим к маяку, на берег моря! – командовал профессор, срывая голос и колотя в ажитации по подлокотникам.

– Принято. На маяк и оттуда на озеро Солёное. – невозмутимо отвечала машина и ангар раскрылся бутоном.

– Не стрелять по кабине! – раздалось из громкоговорителей оцепления. – Они нужны живыми!

Летающая машина вертикально взлетела в воздух. Облачко ушло и солнечный луч взорвал запас горючего вещества.

– Ах-бах-бабах! – загремело из дома. Воздушной волной легкий аппарат швырнуло вверх и он вышел из под прицелов. Нехорошо запахло горелым из руин. По развалинам загуляли языки пламени.

– Огонь по винтам! – закричал командир оцепления, видя, что птичка улетает, но было уже поздно. Воздушная машина ускорилась быстрее, чем роботы поймали её в прицелы. Треск выстрелов прозвучал громом салюта отчаянным беглецам.

Глава восьмая. В ИЗГНАНИИ

Пока машина продвигалась к маяку, Керамо отключил систему геолокации. Теперь преследователи не могли узнать истинной цели полёта. Заложив красивый вираж над морем, автолёт направился к Солёному озеру. Профессор лихорадочно соображал. Небольшая заброшенная хижина в рощице у озера могла укрыть беглецов на короткое время. Людей там не бывает. С воздуха лесок прикроет, а вот стволы, голые стволы сосен никаким укрытием служить не смогут. Солёный раствор хоть и плохая замена питанию для плёнок, но на какое-то время сойдёт. Керамо иногда прятался в хижине ото всех, когда ему надо было подумать в одиночестве. Крохотный оазис был его секретом. И он очень, очень теперь пригодился.

Полёт длился около часа и завершился мягким приземлением.

– Стоп, машина! Ждать команды. – приказал профессор и выбрался из кабины. Немного размявшись, он двинулся к покосившемуся домику. В окнах давно не было стёкол, а дверь не закрывалась. Но запас питания в жестяном ящике цел. Значит, пока можно успокоится и подумать… Да… Жизнь загнанного зверя – не жизнь…

Профессор открутил крышку термоса и осторожно перелил содержимое в большой бидон в углу. Обычно там была пресная вода, которую отшельник приносил из родника неподалёку. В хижине стоял запах матёрой давней пыли. В носу сразу зачесалось. Пленки беспорядочно загомонили. Жидкость в бидоне покрылась пузырями. Невозможно было разобрать ни слова. Керамо вернулся к машине. Надо было срочно скрыть её ветвями, наломанными с ближних кустов. Ночью можно попробовать утащить автолёт под кроны деревьев.

– Игнатий! – позвал Керамо, когда вернулся в домик. – Говори ты.

– Истинно говорю, – отозвался Игнатий. – С питанием плохо народным.

– Как бы не критично,. – отозвался профессор. – Тут для вас есть солёная вода рядом. Много солнца в дневное время. Но взять солёной воды надо дождаться ночи. Днём слишком опасно. Вероятно, к поиску подключат спутники из космоса. Но это, скорее всего, даже не завтра. А так округа весьма пустынная. Хотя осторожность никогда не бывает лишней.

– Читали последний отчёт, профессор? Знания – сила.

– Нет, не успел. Наверное, он сгорел при пожаре. Но все предыдущие отчёты я читал и храню их копии. Бумажные оригиналы отправляются на шредер. Вся отчётность тут, со мной.

– Не беда. Я помню доклад до буковки. Грамотность лучшее вложение капитала.

– Рассказывай, только коротко. Без этой твоей византийской витиеватости.

– Показывать изображение на поверхности плёнка может.

– Это давно известно. – профессор потрогал нос. – Многократно повторено.

– Показывать изображение над поверхностью плёнка может.

– Да что ты! – изумился Керамо. – Можешь показывать объёмное изображение? А как стабильно? —

– Новое свойство это. Пока трёхмерной графики кратковременна стабильность. —

– Вот так новость! Это же переворот в науке! Что же ты раньше молчал, кисель? Ведь получи мы стабильное изображение, получи патент и сообщи научной общественности – да нам никакая полиция не страшна. А вместе с ней и любой институт с любой службой безопасности. Трёхмерный объём! Какая будет реклама, кино, театр! Это революция! —

Профессор размахивал руками и бегал по комнатёнке.

– И вот вместо энергичных работ и результативных опытов мы вынуждены сидеть тут, как в ловушке! Как волк в капкане!

– Извинений требую немедленно. – пропищал Игнатий.

– Ах, да! Прости меня, сын неба, за некорректное именование… молчу… Мне встать на колени?

– Приняты извинения. Но если впредь кормилец и создатель себе обзываться позволит…

– Понял, понял! Перед всем сообществом плёнок обещаю следить за словами. Но что ты думаешь, сын неба, о сложившейся ситуации?

– Осмотреть оазис предлагаю. – молвил Игнатий. – Найдётся ещё что-то интересное вдруг, кроме родника?

– Да я тут сто раз всё осмотривал! – воскликнул Керамо.

– Местность токами хотел бы прочувствовать я. Много Солнца тут, сказано. Обойдусь пока им для питания. Прилив сил отмечаю. Видимо, от стресса.

Профессор согласился на прогулку. Заняться всё равно было нечем. Он перегрузил Игнатия в прозрачный мешочек и вышел из домика. На открытом пространстве Игнатий завертелся в своём пластиковом транспорте. Он ворочался до тех пор, пока не нашёл удобное положение блинчика, сложенного вдвое.

– Неси меня к роднику сначала, кормилец, – сказал Игнатий внезапным баритоном. Похоже, вместе с солнечным светом, которого ему недоставало в лаборатории, к нему вернулся и обычный его голос, и обычный гонор.

Профессор не стал спорить и отправился неспешно к роднику за ближним холмиком. Путь был близкий и всё время Игнатий трепыхался, словно засыпающая рыбка. У родника плёнка засветилась приятным зелёным цветом.

Есть голод странного пути
И это голод не телесный,
Одним отшельникам известный.
То тяга к высшему взойти!

Глава девятая. НА ПУТИ К СПАСЕНИЮ

– Налей мне водички, отец-основатель. Сделаю анализ я. Вода проходит через толщу почвы и несёт в своём химическом составе о слоях информацию, – пожелал Игнатий уверенно.

– Что-то много новостей сразу! – удивился профессор. – Сын неба не сообщал, что умеет делать химические анализы воды.

– Не спрашивал никто, – кротко отвечала плёнка.

Керамо начерпал ладонью воды в мешочек и Игнатий ненадолго задумался, вздуваясь и опадая за прозрачными боками пакета.

– И? – нетерпеливо спросил профессор.

– Вход в убежище тут. – уверенно сообщили из мешочка. – Массы металла и бетона. Мы стоим прямо над входом. Прочитаю пароль для входа сейчас я.

– Не может быть! – удивился Керамо. Он привык поражать воображение других, но ему не понравилось, когда воображение его самого поразили. – Чепуха!

– Скажи пароль – Ветер тучи гонит прочь. – Голос механический у меня самого. Аппаратура реагирует только на человека голос. Токи не врут. Я учуял металл ещё при выходе из машины сквозь термоса тонкий пластик и стекло.

– Ветер тучи гонит прочь, – машинально повторил профессор.

По песку пронёсся небольшой вихрь, а когда пыль осела, профессор увидел перед собой стеклянную кабину лифта с бронированной крышей, выдвинутую из солидной с виду стальной плиты.

– Хорошо. Плотно ли завязан мешок, проверь. Положи мешок в кабину. Беги за остальными. Сюда летят! —

Керамо положил Игнатия и рванул к хижине с наивозможнейшей скоростью. Только песок взметался! В хижине профессор схватил бидон с плёнками, которые немедленно загалдели вразнобой, закрыл крышку и помчался к лифту хоть и медленнее, чем раньше, но всё же очень резво. Над головой его прошли, осыпая песок пулями, два скоростных летательных аппарата. Одна пуля пробила бидон и оттуда закапала мутная жижа. Само отверстие быстро заткнули изнутри. Вероятно, была задета одна или несколько плёнок. Пока машины делали вираж, профессор галопом доскакал до лифта, вспрыгнул в открытую дверцу и поставил бидон на пол.

– Как включить? – завопил Керамо, вертясь в прозрачном параллелепипеде и понимая, что машины вот-вот вернуться. И, скорее всего, они не промахнуться по неподвижной мишени. Кнопок в лифте не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.